

противодействия расследованию существенно затрудняют борьбу с преступлениями рассматриваемого вида. Каждая вновь возникшая ситуация требует индивидуального подхода и актуализации вопросов, необходимых для раскрытия хищений денежных средств, совершаемых в системе дистанционного банковского обслуживания.

Дистанционное банковское обслуживание – технологии предоставления банковских услуг на основании распоряжений, передаваемых клиентом без его визита в банк, чаще всего с использованием компьютерных и телефонных сетей. В каждой конкретной ситуации рассматриваемого вида преступлений присутствует корысть и, как результат, происходит безвозмездное противоправное изъятие денежных средств и оборот их в пользу участника преступления.

По сведениям, представленным Центральным федеральным каналом «Россия-1», ущерб от преступлений, совершенных в системе дистанционного банковского обслуживания посредством перевода денежных средств пользователей социальных сетей, в 2019 г. составил 6,5 млрд р., а в 2020 г. – 150 млрд р.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» дал некоторые разъяснения в связи с вопросами, возникшими в судебной практике при рассмотрении уголовных дел о хищениях, но данные разъяснения лишь фрагментарно затронули вопросы квалификации хищения денежных средств в системе дистанционного банковского обслуживания (с использованием электронных средств платежа). Кроме того, данные разъяснения были даны до внесения изменений в уголовное законодательство и законодательство, регулирующее сферу банковской деятельности, связанных с регламентацией безналичных расчетов. В связи с чем в практической деятельности судов, а также следственных органов остается много неразрешенных вопросов.

Одним из распространенных способов хищений денежных средств с лицевых счетов клиентов банка является преступный сговор сотрудников кредитных организаций, уполномоченных осуществлять различного вида услуги в системе дистанционного банковского обслуживания, или иных лиц, наделенных правами и возможностями доступа к компьютеру, подключенному к системе дистанционного банковского обслуживания.

В зависимости от складывающейся ситуации, а также способа осуществления хищений денежных средств в системе дистанционного банковского обслуживания преступления могут совершаться в виде краж (ст. 158 УК РФ), мошенничества в сфере компьютерной информации и телекоммуникационных систем (ст. 159.6 УК РФ) либо присвоения или растрат (ст. 160 УК РФ).

В случае если со счета клиента банка были похищены денежные средства без ведома его владельца, данное преступное деяние согласно нормам ст. 158 УК РФ можно квалифицировать как кражу.

Что же касается мошенничества, совершаемого в сфере компьютерной информации и телекоммуникационных систем, то в данном случае должны присутствовать корыстная цель со стороны участника преступления или же соучастника; обман и злоупотребление доверием клиента, сопряженное с вводом, последующим удалением, блокированием, модификацией имеющейся и хранящейся в технических средствах информации. В этом случае такое противоправное деяние будет квалифицироваться как мошенничество по ст. 159.6 УК РФ.

Для того чтобы квалифицировать преступное деяние как присвоение или растрату по ст. 160 УК РФ, в действиях злоумышленника должно присутствовать противоправное безвозмездное обращение денежных средств в свою пользу или пользу других лиц с использованием дистанционного банковского обслуживания сотрудником, имеющим в силу должностного или иного служебного положения доступ к лицевому счету клиента.

УДК 343.1:004.08

А.А. Балашова

О ПОНЯТИИ «ЭЛЕКТРОННЫЙ НОСИТЕЛЬ ИНФОРМАЦИИ» В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В настоящее время относительно определения, содержания, а также процессуального порядка получения, оценки и использования информации на электронных носителях в уголовном процессе ведутся активные научные дискуссии. В уголовно-процессуальном законодательстве не содержится нормативно закрепленное определение понятия «электронный носитель информации». Касательно данной правовой категории в литературе высказываются различные точки зрения, подчас противоположные и взаимоисключающие друг друга, что обусловлено существующей правовой неопределенностью относительно понятия «электронный носитель информации» как источника доказательств.

Так, М.С. Сергеев при рассмотрении истории развития электронных технических средств, используемых при формировании доказательств, делает акцент на циркуляр Департамента полиции МВД Российской империи от 28 октября 1882 г. № 8550, в котором упоминается фотография и фотофиксация, что, по его мнению, дает основания говорить об истоках развития применения электронно-технических средств в уголовном судопроизводстве.

Полагаем, что данный подход к генезису правовой регламентации использования электронного носителя информации в уголовном процессе не может быть поддержан. Фотография – область техники и искусства, которая использует методы получения на светочувствительных материалах изображений (фотоснимков) материальных объектов при помощи оптических средств. Вместе с тем использование данной технологии получения фотоизображений для фиксации доказательственной информации не дает никаких оснований утверждать о формировании при этом информации на электронных носителях.

По нашему мнению, отправной точкой формирования положений уголовно-процессуального законодательства, касающихся возможности использования каких-либо носителей информации, альтернативных бумажным, стало принятие Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 31 августа 1966 г., которым в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР была введена ст. 141.1 «Применение звукозаписи при допросе». Кроме того, во второй половине XX в. в целях фиксации хода и результатов следственных действий стали активно применяться видеозапись и киносъемка. Ряд следственных действий, таких

как осмотр места происшествия, допрос, предъявление для опознания и др., стали фиксироваться на видеозаписывающую аппаратуру. Однако технологии звукозаписи, применявшиеся в то время, были основаны на аналоговом преобразовании звука в электронные импульсы, что дает весьма условные основания для утверждения об использовании при этом электронных носителей информации в современном понимании.

Стремительное развитие электронно-вычислительной техники, повышение ее доступности для широкого круга пользователей в 90-х гг. XX в., нашло отражение и в уголовно-процессуальном законодательстве. Так, с конца 90-х гг. XX в. широкое применение получила цифровая фотография, позволяющая получать фотоизображение в виде графического файла, воспроизводимого с использованием специального программного обеспечения и сохраняемого на электронном носителе в формате двоичного кода, что, безусловно, позволяет отнести ее к цифровой информации. Данная технология прочно вошла в арсенал оперативно-служебной деятельности должностных лиц органов предварительного следствия и дознания, осуществляющих досудебное производство по уголовным делам.

Сегодня практически невозможно встретить уголовное дело, в котором в той или иной форме не использовалась доказательственная информация, зафиксированная на электронных носителях. И это касается не только преступлений, совершенных с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий. Анализ изменений, внесенных с 2010 г. в уголовно-процессуальное законодательство, научных публикаций, выступлений ученых и практиков на научно-практических конференциях самого разного уровня убедительно свидетельствует о том, что в настоящее время сформировался устойчивый тренд на цифровизацию уголовно-процессуальной деятельности. Как справедливо отмечает Л.Н. Масленникова, научные дискуссии в XXI в. в сфере уголовно-процессуального права и практики его применения в основном развернулись именно относительно достоинств и рисков внедрения современных цифровых технологий в организацию уголовно-процессуальной деятельности.

В настоящее время законодатель использует термин «электронный носитель информации» в тексте УПК РФ более 10 раз. Вместе с тем легальное определение данного понятия в законе не закреплено, что способствует возникновению правовой неопределенности и порождает активную научную дискуссию относительно его содержания.

Так, А.И. Зазулин считает, что использование в УПК РФ термина «электронный носитель информации» необоснованно сужает круг предметов, в отношении которых может быть осуществлено изъятие (при участии специалиста) и копирование компьютерной информации. По его мнению, в УПК РФ необходимо ввести более общий термин «цифровой носитель информации», который бы подразумевал различные типы носителей цифровой информации. В условиях отсутствия нормативного закрепления понятия «электронный носитель информации» ряд авторов предлагают обратиться к понятию, сформулированному в ГОСТ 2.051–2013 «Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения», согласно которому электронный носитель представляет собой материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники.

Однако анализ приведенного определения показывает, что к электронным носителям информации следует относить все устройства, реализующие функцию записи, хранения и воспроизведения информации. Соответственно, к ним должен быть отнесен широкий спектр предметов хозяйственно-бытового назначения, имеющих в своем составе микросхемы памяти, что не способствует точности при использовании данного термина.

По этому вопросу Ю.В. Гаврилин справедливо отмечает, что данный термин имеет неопределенное расширительное толкование, а это может порождать ошибки правоприменения.

Вместе с тем В.Н. Григорьев и О.А. Максимов считают, что электронный носитель информации представляет собой особую группу вещественных доказательств, и определяют его как предмет, содержащий значимую для уголовного дела информацию, созданную не в процессе расследования уголовного дела, восприятие которой невозможно без использования электронно-вычислительных средств. Анализируя приведенное определение, следует заметить, что карта памяти, содержащая информацию, созданную в процессе расследования, включая указанные выше файлы фотоснимков с места происшествия, не перестает быть вследствие этого обстоятельством электронным носителем информации. К тому же существует большой массив информации, не содержащейся на электронных носителях, восприятие которой невозможно без использования электронно-вычислительных средств. Так, применяя для исследования состава вещества газовый хроматограф, эксперт с использованием данного электронного устройства воспринимает информацию, не содержащуюся на электронном носителе.

Таким образом, ключевой признак, объединяющий все приведенные выше определения понятия «электронный носитель информации», – это его конструктивная предназначенность для хранения информации, на что справедливо обращает внимание Ю.В. Гаврилин, а также авторы ГОСТ 2.051–2013 «Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения». Другими признаками являются цифровая форма хранимой на электронном носителе информации и возможность ее воспроизведения в электронно-вычислительных средствах (В.Н. Григорьев, О.А. Максимов).

УДК 343.985

Н.Н. Беломытцев

О НЕКОТОРЫХ ОШИБКАХ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОСМОТРА ПРЕДМЕТОВ И ДОКУМЕНТОВ ПО ДЕЛАМ О ХИЩЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ ПУТЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕХНИКИ

Последние пять лет в Республике Беларусь имеет место значительный рост хищений, совершенных с использованием компьютерной техники: если в 2016 г. было зарегистрировано 1 844 таких преступления, то в 2019 г. – 8 634. В 2019 г. из всего массива уголовных дел, возбужденных по различным частям ст. 212 УК Республики Беларусь, только 15,7 % уголовных дел